

9. Оценка качества дополнительного онлайн-образования для школьников // Умскул х ВШЭ. URL: <https://promo.umschool.net/edu-research> (дата обращения: 11.01.2026).

10. Подготовка к ЕГЭ и ОГЭ с любого уровня на нужный результат // Сотка. URL: <https://sotkaonline.ru/> (дата обращения: 11.01.2026).

11. Подготовка к ЕГЭ и ОГЭ на 85+ баллов с нуля по всем предметам // 99 баллов. URL: <https://99ballov.ru/> (дата обращения: 11.01.2026).

Д.С. Горохов, Самарский университет

МОЛОДЕЖЬ КАК АГЕНТЫ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА: ОТ НЕФОРМАЛЬНЫХ ПРАКТИК К НОВЫМ ОРГАНИЗАЦИОННЫМ ПОЛЯМ В РЕГИОНАЛЬНОМ КИНО

В докладе исследуется социальная активность молодежи в сфере регионального кино. В условиях институционального дефицита молодые акторы становятся институциональными строителями, компенсируя нехватку ресурсов «густым социальным капиталом». Анализируется проблема сетевой замкнутости и давление институционального изоморфизма, вынуждающее акторов искать баланс между федеральными стандартами и сохранением локальной аутентичности.

Ключевые слова: региональное кино, социальная активность молодежи, социальный капитал, слабые связи, институциональный изоморфизм.

D.S. Gorokhov, Samara University

YOUTH AS AGENTS OF INSTITUTIONAL BUILDING: FROM INFORMAL PRACTICES TO NEW ORGANIZATIONAL FRAMEWORKS IN REGIONAL CINEMA

This report examines the social engagement of young people in the field of regional cinema. In the face of institutional deficits, young actors become institutional builders, compensating for a lack of resources with “thick social capital.” It analyzes the problem of network isolation and the pressure of institutional isomorphism, which forces actors to seek a balance between federal standards and the preservation of local authenticity.

Keywords: regional cinema, youth social engagement, social capital, weak ties, institutional isomorphism.

В эпоху «текущей современности» и дерегулирования социальных структур, о которых писал еще З. Бауман [1], региональное кино в России постепенно перестает быть периферийным явлением и превращается в важную сферу символического производства в логике П. Бурдьё [2, 3]. Ключевую роль в этом процессе играет творческая молодежь, выступающая одновременно и инициатором, и движущей силой институционального становления. Обращение именно к молодежи социологически оправдано: выходя на рынок труда в условиях дефицита местных институтов, эта группа не располагает устойчивыми механизмами включения в уже сложившуюся индустрию. Поэтому системные проблемы макроуровня – отсутствие киношкол,

студий, возможностей стабильного трудоустройства и локальных рынков сбыта – для молодых участников превращаются в личные вызовы и требуют, по выражению Баумана, «биографического решения». Молодежь вынуждена принимать на себя повышенные риски, становясь не только авторами фильма (или шире – контента), но и своего рода социальными предпринимателями, которые выстраивают «правила игры» практически с нуля. Вместе с тем, процесс институционализации протекает в условиях жесткого структурного неравенства регионов. Эмпирические данные современных отечественных исследователей института регионального кино демонстрируют асимметрию: в национальных республиках (Якутия, Татарстан, Башкортостан) конструирование локального кино опирается на поддержку властей [4] и ярко выраженный этнический «культурный код» [5, 6]. В то же время эмпирические данные, полученные в данном исследовании, показывают, что в регионах без явной национальной доминанты (Самара, Красноярск) акторы сталкиваются с трудностями в поиске аутентичности и вынуждены преодолевать не только символическую стигматизацию, но и институциональную недостаточность регионального поля.

Теоретическая основа исследования объединяет макро- и микросоциологический подходы. Для изучения того, как молодежь приспосабливается к нехватке ресурсов, используется концепция институциональной матрицы и неформальных ограничений, предложенная Д. Нортом [7]. В рамках этого подхода институциональная среда понимается как система взаимосвязанных формальных правил, неформальных норм и механизмов их соблюдения, которая задает возможные варианты действий для людей и организаций. Д. Норт, будучи экономистом, исходит из предположения, что организации действуют рационально и стремятся к выгоде. Однако в случае творческой молодежи мотивация нередко строится в логике ценностно-рационального действия (по М. Веберу) [8]. Они снимают кино не ради прибыли, а ради символического признания или из чистой страсти (*«как в Нарнию попасть»*).

Легитимация регионального кино на федеральном уровне рассматривается через теорию институционального изоморфизма П. ДиМаджио и У. Пауэлла [9], которая позволяет объяснить, как централизованные стандарты воздействуют на локальные проекты и культурные инициативы. Наконец, механизмы самоорганизации съемочных команд анализируются сквозь призму теории социальных сетей М. Грановеттера [10], в частности, через дихотомию «густого социального капитала» (сильных связей) и межрегиональных «слабых связей».

Эмпирическую базу исследования составили пять глубинных интервью с молодыми акторами индустрии регионального кино. Выборка носит целевой характер и включает режиссеров, продюсеров и дистрибьюторов, чей профессиональный опыт локализован в различных территориальных и структурных контекстах: Самара, Красноярск, Уфа, а также опыт миграции по маршруту регион – Москва.

В условиях периферийного институционального дефицита творческая молодежь берет на себя функции по конструированию новых правил игры и неформальных ограничений [7]. Системные макросоциологические проблемы, такие как слабость региональной киноиндустрии, дефицит формального профильного образования и отсутствие устоявшихся рынков сбыта на местах, трансформируются для молодых акторов в сугубо индивидуальные задачи, адаптируя жизненные стратегии к «биографическому разрешению системных противоречий» [1]. Творческая молодежь вынуждена брать на себя избыточные риски, выступая не просто создателями, но и социальными предпринимателями, выстраивающими связи различного рода.

Социальная активность молодых кинематографистов приобретает форму вынужденной мультизадачности, которая компенсирует кадровый и финансовый дефицит. Как отмечает информант Максим (Красноярск), из-за нехватки узких специалистов один человек на площадке вынужден совмещать функционал целой команды, работая одновременно *«механиком камеры, пилотом дрона, колористом этого фильма на постпродакшн, и еще он был водителем... В Москве, если кто-то не нравится на площадке, он плохо выполняет свою работу, его можно заменить. В Красноярске нельзя»*. Институциональный дефицит формального образования также преодолевается индивидуальными усилиями: базовые профессиональные навыки приобретаются не в академических структурах, а путем самообразования: *«у нас есть интернет... я просто гуглю»* (Дмитрий, Самара).

С точки зрения теории человеческого капитала Г. Беккера [11], молодые акторы в регионах оказываются перед стратегическим выбором: инвестировать в «общий человеческий капитал», переезжая в центр для встраивания в готовую индустрию (как это сделал Кирилл, переехав из Ростов-на-Дону в Москву), или накапливать «специфический человеческий капитал», привязанный к конкретной территории. Те, кто выбирает вторую, локально-ориентированную стратегию, глубоко осознают свою созидательную роль как институциональных строителей. Для них регион – это пространство возможностей, где *«правила не писаны еще, ты можешь их сам задать»* (Максим, Красноярск). Эта активность ведет к формированию локальных экосистем с нуля: например, иницируются местные образовательные инициативы для воспитания собственных съемочных команд (Тимур, Уфа), что способствует закреплению специфического капитала и институционализации регионального кинопроизводства.

В ситуации нехватки формальных организаций (киностудий, образовательных институтов) и устоявшихся рыночных механизмов главным ресурсом регионального кинопроизводства становится густая сеть неформальных ограничений и коопераций. Создание фильмов критически зависит от плотных социальных сетей, где формальные контрактные отношения вынужденно подменяются межличностным доверием и безвозмездной взаимовыручкой. Съемочный процесс в регионах описывается как *«коллективное семейное сотрудничество»*, базирующееся на абсолютной уверенности в партнерах: *«с этим человеком бы я в разведку пошел»* (Тимур, Уфа). Профессиональная солидарность конструируется через неформальные микропрактики обсуждения проектов, когда кинематографисты консолидируются и решают вопросы *«в банях»* (Максим, Красноярск). Эта плотная локальная кооперация компенсирует финансовый дефицит: транспорт, оборудование и массовка часто привлекаются бесплатно исключительно за счет личных связей участников (Тимур, Уфа).

Рассматривая социальный капитал молодежи с позиции теории социальных сетей можно заметить фундаментальный парадокс. Избыток сильных связей при дефиците слабых ведет к фрагментации региональных полей внутри всего института кино в России и, следовательно, к изоляции акторов внутри своего региона. На локальном микроуровне густой социальный капитал обеспечивает выживание локальных групп, но при этом имеет и обратный эффект, создавая на макроуровне всего института кино в России «ловушку сетевой замкнутости». С одной стороны, информанты отмечают, что *«в регионах всегда мало специалистов и в отличие от Москвы, мы все друг за друга держимся и сотрудничаем друг с другом»* (Максим, Красноярск). Но, с другой стороны, главным институциональным барьером для институционализации реги-

онального кино становится то, что *«отсутствует единая вот эта вот система взаимосвязи между участниками рынка»* (Кирилл, Ростов – Москва).

«Слабые связи» между регионом и Москвой выступают в роли локальных мостов, которые соединяют регионы с федеральными акторами (прокатчиками, маркетологами, стриминговыми платформами). Отсутствие таких мостов структурно блокирует освоение региональной творческой молодежью инноваций и формирует «стеклянный потолок» для выхода готовых проектов на широкую аудиторию. Эмпирические данные подтверждают этот тезис: дистрибьютор Анна прямо указывает на институциональную изолированность молодых авторов, которые, замыкаясь в своих плотных творческих сетях, создают проекты без понимания целевой аудитории, не готовят визуальные маркетинговые материалы и совершенно не владеют инструментами продвижения продукта до массового зрителя: *«огромное количество материала... просто складывается на полку»* (Анна, Казань).

Однако проекты региональной творческой молодежи остаются «на полках» не только из-за отсутствия локальных мостов, связывающих регион с центром. Выходя на поле массового культурного производства, региональные проекты сталкиваются с серьезной проблемой борьбы за символическую власть и легитимность. Один из таких барьеров – институциональная стигматизация регионального продукта. Само словосочетание «региональное кино» зачастую воспринимается акторами как *«оскорбление»* (Максим, Красноярск), как искусственная попытка отделить их от кино в целом. Словосочетание содержит в себе маркер провинциальности, занижающий статус произведения. Анна подтверждает, что лица, принимающие решения в сфере дистрибуции (киносети), часто руководствуются стереотипами о том, что региональный продукт – это нечто априори *«низкодюджетное, некачественное и, там, малоинтересное широкому кругу аудитории»*. Из-за этой стигмы авторы часто концентрируются в «поле ограниченного производства» [2], создавая «высказывание» ради самого высказывания и ориентируясь либо на собственные представления о прекрасном, либо на признание региональных или федеральных коллег (или конкурентов), полностью игнорируя законы массового рынка.

Пытаясь завоевать легитимность, преодолеть эту стигму и получить доступ к материальным ресурсам (в первую очередь, к государственным грантам), региональные акторы подвергаются давлению институционального изоморфизма [9]. В данном случае, изоморфизм действует двунаправленно. Во-первых, запускаются механизм принудительного изоморфизма: чтобы успешно получить финансирование от крупных фондов, молодые авторы вынуждены адаптироваться под диктуемые центром нормативные стандарты и повестку, обучаясь *«говорить на языке тех, кто оценивает»* (Максим, Красноярск). Во-вторых, условия неопределенности «текущей современности» проявляются механизмы подражательного изоморфизма: региональные студии иногда пытаются мимикрировать под успешные формы, *«один-в-один копировать голливудские»* или столичные клише, теряя собственное лицо (Анна, Казань).

Таким образом, социальная активность молодежи оказывается зажата в тисках глубокого противоречия: между унификацией центра и локальной уникальностью «производства пространства» [12]. Как подчеркивает Тимур (Уфа), ценность регионального кино в том, что это *«не пересказ чужих историй, а рассказывание своих»*. Конкурентный успех и прорыв на федеральный уровень возможен лишь при глубокой работе «с культурным кодом этого региона», поскольку механический перенос уникальной локальной формы в другие условия ведет к утра-

те смыслового ядра (Максим, Красноярск). Опыт дистрибуции доказывает, что именно картины, базирующиеся на специфическом менталитете, местном фольклоре и уникальных деталях региональной жизни, парадоксальным образом становятся наиболее универсальными и интересными для широкого зрителя, успешно преодолевая барьеры институциональной стигматизации (Анна, Казань).

Проведенный анализ позволяет сформулировать три фундаментальных вывода, определяющих социальную активность творческой молодежи внутри института регионального кинематографа.

Во-первых, социальная активность молодежи выстраивается в условиях структурного и ресурсного дефицита, вынуждая осуществлять «биографическое разрешение системных противоречий». Оказавшись перед лицом этого вызова, не имея возможности опереться на формальные институты, молодежь формирует собственные «правила игры» и неформальные ограничения. Те, кто отказывается от миграции в центр, вынуждены становиться агентами «институционального строительства», формируя локальную экосистему (отбора, образовательных инициатив, проката и т. д.) практически с нуля.

Во-вторых, ключевым компенсаторным механизмом, позволяющим региональному кино выживать на этапе производства, выступает «густой социальный капитал», обеспечивающий глубокое доверие, взаимовыручку и самопожертвование ради общего блага. Связи формируются по принципу *«с этим человеком бы я в разведку пошел»* (Тимур, Уфа). Вместе с тем, сильные связи таят в себе угрозу сетевой замкнутости и стагнации. Институционализация регионального кино блокируется критическим дефицитом «слабых связей» – профессиональных мостов между разрозненными локальными группами и федеральным центром, что оставляет творческие молодежные сообщества вариться в собственном соку. Будущая траектория развития регионального кино напрямую зависит от того, сможет ли молодежь трансформировать свой замкнутый социальный капитал в разветвленную сеть слабых (институциональных) связей, обеспечивающих выход на широкие рынки дистрибуции.

И, наконец, в-третьих, результат социальной активности молодежи в регионе (в нашем фокусе – кинопродукция) сталкивается с серьезной институциональной стигматизацией, маркирующей «региональное» как «непрофессиональное» и «низкобюджетное». В борьбе за легитимацию творческая молодежь подвергается мощному давлению институционального изоморфизма, заставляющего либо *«говорить на языке тех, кто оценивает»*, либо копировать успешные паттерны в ущерб локальной аутентичности.

Таким образом, будущая институционализация регионального кино зависит от способности молодежи удержать баланс: создать понятную федеральному центру форму (через слабые связи и рыночные механизмы), не утратив при этом уникальное содержание и сохранив идентичность своего социального пространства [12].

Список литературы:

1. Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2005. 390 с.

2. Bourdieu P. Dinstinction: A Social Critique of the Judgement of Taste // Social Stratification: Class, Race, and Gender in Sociological Perspective / D. Grusky (ed.). Boulder: Westview Press, 1994. P. 404–429.
3. Бурдьё П. Формы капитала // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики. М., 2004.
4. Аргылов Н.А., Охлопкова У.В. Факторы формирования и развития регионального кино в России: якутский феномен // Меди@льманах. 2022. №6 (113). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-formirovaniya-i-razvitiya-regionalnogo-kino-v-rossii-yakutskiy-fenomen> (дата обращения: 12.05.2025).
5. Роговая А.В. Региональный кинематограф и его значение в формировании этнической идентичности // Вопросы управления. 2025. Т. 19, №2. С. 86–97.
6. Левченко Н.В., Роговая А.В. Особенности кинематографа российских регионов: конструирование социальных смыслов // Артикульт. 2023. №4 (52). С. 72–86.
7. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.
8. Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем. под ред. Ю.Н. Давыдова. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
9. ДиМаджио П. Дж., Пауэлл У.В. Новый взгляд на «железную клетку»: институциональный изоморфизм и коллективная рациональность в организационных полях // Экономическая социология. 2010. Т. 11. № 1. С. 35–56.
10. Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология. 2009. Т. 10. №4. С. 31–50.
11. Becker G. S. Human Capital. New York: Columbia University Press, 1964.
12. Украинский В.Н., Чимитдоржиев Ж.Ж. Анри Лефевр и полиморфность социального пространства // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 1. С. 61–72.

А.Л. Гусейнова,
Российский государственный гуманитарный университет

ТИПОЛОГИЯ САМООРГАНИЗОВАННОГО ДОСУГА МОЛОДЕЖИ В МЕГАПОЛИСЕ: ПРОБЛЕМЫ КАТЕГОРИАЛЬНОГО АППАРАТА И ЭМПИРИЧЕСКОЙ ВЕРИФИКАЦИИ

Городская среда представляет собой гетерогенное пространство, в котором молодежь формирует неформальные досуговые инициативы. Финансовые ограничения, избыток времени и творческий потенциал стимулируют возникновение коллективных практик. Отсутствие четкой терминологии затрудняет их системное изучение. В статье предлагается подход к операционализации понятия «самоорганизованные досуговые практики» для эмпирических исследований.

Ключевые слова: самоорганизация, досуговые практики, городская молодежь, неформальные сообщества, концептуализация, урбанистическая социология, коллективное действие, гетерогенность.